

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Вчера ночью, когда я пытался заснуть после тяжелого рабочего дня и половины таблетки снотворного, моя кровать превратилась в неопознанный летающий объект, комната сократилась до психологических размеров номера в безмянном мотеле, но без обязательной гидеоновой Библии для души и шапочки для душа. Мой дом превратился в карточный домик.

После моего исчезновения кожа осталась на полу спальни, светящаяся, как серебряный халат, растекшийся в лунном свете. Я молча последовал за своим котом, серым крупным зверем с мудрым непредсказуемым взглядом. Он знал и понимал абсолютно все, но величественно выказывал свое отношение лишь к ограниченному числу событий и явлений, будучи, впрочем, весьма склонен к тому, чтобы напускать на себя обличье послушного домашнего котика или пухлой старинной копилки. Так вот, вместе с котом мы нырнули в кусты.

Теперь подумаем: что все это значит?! Вот я стою перед вами, пытаюсь объяснить: мне некуда деться, мой дом превратился в карточный домик, мотель заколочен за неуплату налога, кровать моя летит в космосе на пути к некоей женщине, которая давно все это задумала, а кот научил меня таким вещам, о которых я раньше и не подозревал.

Тогда-то я и познакомился поближе с соседским котом, дымчатым гладким и упитанным субъектом с диковатым вертикальным проблеском в желтых зрачках. Давно, когда он был еще теплым урчащим комочком, соседка нашла его в коробке из-под обуви у задней, служебной двери пиццерии. Примерно в ту пору, когда я сошелся с котами и запропал, хозяйка дымчатого типа начала покашливать, быстро уставать, и от нее начал исходить необычный тревожный запах – с кислотным отголоском. Все соседские коты сразу уловили перемену. Такие вещи у них просто на кончиках усов. Мне этого пока не было дано.

Хозяйка стала плаксивой, легко впадала в истерику, по ночам она кричала на мужа, который все больше молчал. Лицо ее становилось бескровным, кончики пальцев – синеватыми. От котов я многое узнавал про людей, и теперь, взглянув на человека, могу ощутить дальний, зародышевый пульс его души. Я научился отличать запах селезенки и костного мозга. Много узнал я и о мышиных делах. У них нет правых и виноватых. Если мышей загнать в клетку на несколько дней без воды, сильные убивают слабых, выгрызают теменную кость и выедают серую кашицу мозга, чтобы добраться до влаги. Я знал, что самая большая концентрация жидкости в живом организме содержится в головном мозге. Мыши не в состоянии понять, почему они должны умирать от жажды.

Однажды ранним синим бездонным утром поздней осени хозяйка дымчатого кота исчезла. Муж увез ее в старом шевроле, сумка на заднем сиденье, набитая скорлупками из рецептурного отдела, соседствовавшими с лысоватой зубной щеткой и безразлично прокладным пластиковым прямоугольником с ее именем.

После исчезновения хозяйки дымчатый одичал, не находил себе места, рыскал по чужой территории, воровал остатки пахучего паштета из плошки нашего дородного кота, спал на нижней полке с мылом и антифризом, пробираясь через дыры и щели в подвале, о которых только мы с котами и знали. Подобные пакости он творил и у

соседей. Молчаливый сосед, вернувшийся без жены, тоже изменился, как-то затих, стал еще длиннее и сутулее, совсем превратившись в вопросительный знак. После вежливых, но настойчивых жалоб от соседей на своего кота, он увез его куда-то в том же синем шевроле с помятой задней дверью, и больше мы дымчатого никогда не видели. Соседский дом еще долго хранил теньевые запахи пропавших обитателей, и их сын, наезжавший из музыкального училища, подолгу упражнялся на гобое. Звуки его стояли в затвердевшем ноябрьском воздухе, как ранний каминный дым.

После всех этих событий у меня больше не было сил существовать в сумеречной зоне кустов и подвалов, населенных мышами, котами, и ускользящими силуэтами, и по молчаливому неохотному соглашению с моим котом я решил вернуться. Он потом нередко подходил ко мне, когда мы оставались совсем одни, в гостиной или на кухне, клал лапы мне на колени, заглядывал мне в лицо, как старый товарищ по оружию, словно говоря: «А помнишь?».

Так вот, я бесшумно вошел в свою комнату, как будто ничего и не произошло. Серебряная кожа по-прежнему дремала на ковре, кровать вернулась из странствий как ни в чем не бывало. Скомканное одеяло и подушка под пледом точь-в-точь походили на свернувшуюся во сне человеческую фигуру.

Я проскользнул обратно в постель, никем не замеченный, и сделал вид, что все это время мирно спал. Утром все шло как обычно, все умывались, спускали воду в унитазе, сушили волосы, обжигались кофе на кухне.

Мне удалось выбраться из постели, быстро одеться и благополучно добраться до работы. Там я немедленно сел за телефон и, прикрыв дверь, часами выслушивал тех, которые пережили подобные же истории. Причем мои собеседники были так же предельно откровенны со мной, как и я с ними, хотя ни один из нас друга друга никогда не видел.